

Обретение Цюсанъюань

— Да как ты смеешь... — проскрежетал Мэн Бучжао.

Лю Цзинхуэй, пошатываясь, поднялся на ноги.

— У него твоя нефритовая табличка с кровью души! Не дай ему прикоснуться к чему-либо!

— Понял!

Несколько чернильных следов сорвалось с кончиков пальцев У Линчаня и, небрежно взметнувшись, метнулись вперёд.

— А-а-а! — раздался дикий вопль Мэн Бучжао. Связанное запястье вывернулось под неестественным углом и со хрустом сломалось.

У Линчань, черпая силу из божественной энергии Сюаньсяна, с улыбкой смотрел на искажённое яростью лицо Мэн Бучжао.

— Мэн Пин занял первое место в Списке гениев, а ты, его верный пёс, почему не вознёсся вместе с ним? Всё такой же слабак.

Мэн Бучжао, обливаясь холодным потом, с ненавистью сверлил его взглядом.

— Без Сюаньсян Тайшоу ты — ничто...

Щёлк.

У Линчань отвесил ему звонкую пощёчину.

— Я задал тебе вопрос, не увиливай. Что ты там говорил про меня? Идиот? Ничтожество?

— Твой светильник души всё ещё в пике Сяолёу! — взревел Мэн Бучжао. — Юный глава ордена не простит тебя!

У Линчань хотел было схватить его за волосы, но, поняв, что тот выше, просто пнул его под колени, заставив рухнуть на землю. Затем, вцепившись в его волосы, он заставил его поднять голову и посмотреть на себя.

— Попав ко мне в руки, ты не только не молишь о пощаде, но ещё и смеешь провоцировать меня этим ничтожеством Мэн Пином? Ума не приложу, о чём ты думаешь. Даже если Мэн Пин так силён, какое это имеет к тебе отношение? Ты так долго был собакой, что разучился говорить по-человечески?

Лю Цзинхуэй подошёл и, скрестив руки на груди, с усмешкой добавил:

— И это ещё что. Он хотел «пригласить» тебя обратно в пик Сяолёу, чтобы ты стал сосудом-треножником для юного главы ордена Мэна.

Чэнь Шэ, который подошёл чуть позже, бесшумно опустился на поверхность воды. Услышав это, он поднял голову.

— Какая дерзость, — хмыкнул У Линчань. — Сделать дитя удачи сосудом-треножником.

Лю Цзинхуэй, возвышаясь над поверженным врагом, выхватил свой длинный меч и приставил его к горлу Мэн Бучжао.

— Как с ним поступить? Убить?

У Линчань остановил его жестокий порыв движением руки.

Чэнь Шэ, чьё духовное зрение небрежно скользнуло по округе, по их действиям понял, о чём идёт речь, и мысленно вздохнул.

«Всё-таки он вырос не в Куньфу. Праведные ордена воспитали его таким мягкосердечным».

— А! — воскликнул У Линчань, предложив: — А давайте он станет моим сосудом-треножником.

Лю Цзинхуэй невозмутимо спросил:

— Ты хоть знаешь, что такое сосуд-треножник?

— Печь для создания пилюль, — У Линчань задумчиво потёр подбородок. — Только я не понимаю, как человек может быть печью. Его кости нужно разобрать и сжечь как дрова? Надо бы изучить этот вопрос.

Мэн Бучжао молчал.

Лю Цзинхуэй тоже.

«Что ж, ладно».

Пока они перешёптывались, Мэн Бучжао, туго связанный Сюаньсяном, внезапно вспыхнул и в мгновение ока исчез.

Сюаньсян тут же попытался его остановить. Чернильные следы сомкнулись, но столкнулись лишь с разлетающимися брызгами туши.

Мэн Бучжао сбежал.

Увидев, что его «сосуд-треножник» ускользнул, У Линчань не мог стерпеть такого оскорбления. К счастью, Сюаньсян оставил на Мэн Бучжао чернильный след, и он тут же бросился в погоню.

Лю Цзинхуэй поспешил за ним, но обернулся и бросил взгляд на высокого мужчину, который неторопливо следовал за ними.

Тёмно-синий халат, глаза, скрытые чёрной повязкой... Он выглядел утончённым и благородным, но Лю Цзинхуэй необъяснимо ощущал исходящую от него угрозу. Его духовное зрение, коснувшись этого человека, словно наткнулось на несокрушимую гору, простирающуюся на десятки тысяч ли.

Именно этот мужчина своей духовной силой подавил демоническое семя в его теле.

Лю Цзинхуэй отвёл взгляд и наконец нашёл время для расспросов:

— Как твои раны? Где ты был всё это время? Я не мог связаться с тобой через нефрит. И кто это?

— Раны зажили, — ответил У Линчань на ходу. — В Пустоши Куньфу не ловит духовная связь. А это мой брат.

Лю Цзинхуэй изумился.

«Брат? Разве У Линчань не сирота?»

Времени на расспросы не было. Пролетев несколько десятков ли, они наконец достигли Мэн Бучжао.

Лю Цзинхуэй нахмурился.

— Старейшина Мэн был послан за Цюсаньюань. Это странное духовное растение растёт на воде, а его корни, похожие на усы дракона, уходят вглубь на сотни чжанов. Старейшина Мэн сейчас пытается их обрубить. Если мы ворвёмся, то, боюсь...

У Линчань не слушал его бормотания. Его разум был поглощён одним словом — «Цюсаньюань». Глаза его загорелись, и он тут же ринулся вперёд.

— Линчань!

Место, где рос Цюсаньюань, представляло собой тёмный пруд. Издалека было видно полупрозрачное дерево, растущее прямо на воде. Его корни, извиваясь, словно драконы, впитывали солнечный свет.

Белая фигура, управляя летающим мечом, рубила твёрдые, как железо, стебли. После нескольких десятков мощных ударов стебель наконец поддался.

Цзян-цзян.

Духовная трава, казалось, издала жалобный крик. Корни под водой в агонии забились, отчаянно ударяясь о барьер, но не могли пробить его ни на цунь.

Мэн Бучжао, задыхаясь, добежал до этого места. Увидев вдалеке старейшину Мэна, который готовился отрубить корень Цюсаньюань, он обрадовался.

Хоть он и не понимал, как ему удалось сбежать, но под защитой старейшины Мэна У Линчань, даже восстановив силы, не сможет его убить.

Небеса не оставили его!

— Старейшина Мэн! — с радостью на лице воскликнул Мэн Бучжао.

Старейшина Мэн обернулся и нахмурился:

— Почему ты один? Где У Линчань?

— У него Сюаньсян Тайшоу, я ничего не мог с ним поделать, — стиснув зубы, ответил Мэн Бучжао.

— Беспольный, — бросил старейшина Мэн. — А нефритовая табличка с кровью души?

На лице Мэн Бучжао промелькнуло смущение.

— Я поместил демоническое семя в табличку, но почему-то... оно не сработало.

— Сначала я добуду Цюсаньюань, — нахмурился старейшина Мэн.

— Слушаюсь.

Мэн Бучжао не стал мешать, глядя на отчаянно бьющиеся у его ног и уже начавшие увядать корни, он усмехнулся.

«С Цюсаньюань юный глава ордена непременно...»

Внезапно до его слуха донёлся слабый звук, похожий на треск стекла.

Затем у его ног появилось мокрое пятно.

Мэн Бучжао вздрогнул.

Вся поверхность воды была защищена барьером. Откуда здесь взялась вода?

Не успел он найти ответ, как из тонкой трещины вырвался белоснежный корень и, словно стрела, обвился вокруг его шеи.

Щёлк.

Мэн Бучжао почувствовал ледящую боль. Его зрение исказилось, мир перевернулся.

Вращаясь, он увидел, как тёмно-синяя вода пруда окрашивается в багровый цвет.

Зрачки Мэн Бучжао дёрнулись. Он смутно осознал, что это не мир вращается.

— Это был последний проблеск его сознания.

Дон.

С глухим стуком окровавленная голова упала в воду и, несколько раз перевернувшись, замерла.

Обезглавленное тело с опозданием рухнуло на землю. Хлынула кровь. Всё стихло.

Старейшина Мэн, увидевший это издали, застыл в ужасе.

Барьер над водой был невероятно прочен, даже заклинатель на стадии трансформации духа не смог бы его поколебать. Цюсаньюань был силён лишь своими твёрдыми корнями и способностью пожирать головы своими цветами, но грубой силой его можно было одолеть.

Откуда у увядающего корня взялась сила пробить барьер и в мгновение ока убить заклинателя на пике стадии формирования ядра?

Пока старейшина Мэн пребывал в смятении, к нему приблизились двое.

У Линчань, полный энтузиазма, готовился показать себя: сначала убить Мэн Бучжао, а затем забрать Цюсаньюань.

Но когда он подлетел ближе, Мэн Бучжао был уже мёртв. Увядший корень впился в его голову, высасывая остатки духовной силы.

— Эх? — У Линчань бесшумно приземлился. Окровавленное зрелище его ничуть не тронуло, он лишь разочарованно вздохнул. — Уже мёртв? Жаль мой сосуд-треножник.

Лю Цзинхуэй, как всегда, занялся делом. Присев на корточки, он обыскал сумку-хранилище Мэн Бучжао и наконец нашёл две нефритовые таблички с кровью души, в которые уже было помещено демоническое семя.

От табличек исходила мощная демоническая ци, но У Линчань не реагировал на неё так бурно, как в прошлый раз.

Лю Цзинхуэй забрал таблички.

Не нужно было и спрашивать. Он и так догадался, что У Линчань на пороге смерти обрёл великую удачу.

Лицо старейшины Мэна изменилось, и он внезапно нанёс удар.

Вода взметнулась огромной волной. У Линчань качнулся, но устоял на ногах благодаря чернильным следам Сюаньсяна. Он поднял руку, в которой держал кисть, и усмехнулся:

— О, старик, снова ты.

Когда Мэн Пин подстрелил У Линчаня, этот старик тоже был там.

Тот, кто защищает юного главу ордена, должен быть очень силён.

Лю Цзинхуэй выхватил два меча и тихо сказал У Линчаню:

— Его послали защищать Мэн Пина, он очень силён и наверняка имеет при себе мощные артефакты. Твоя сила ещё не восстановилась, боюсь, тебе придётся нелегко.

— Верно, — кивнул У Линчань.

Лю Цзинхуэй с облегчением вздохнул. Побывав на краю гибели, У Линчань наконец-то научился слушать советы.

Но не успел он до конца выдохнуть, как У Линчань обернулся к молчаливому мужчине позади них и сказал:

— А-сюн, помоги мне прогнать этого старика, а когда я восстановлю силы, я тоже помогу тебе одолеть одного врага, хорошо?

Лю Цзинхуэй был в недоумении.

«О чём это он бормочет?»

— Он уже сбежал, — спокойно ответил Чэнь Шэ.

У Линчань обернулся и увидел, что почтенный старейшина пика Сяолёу, который никогда не достаивал его и взглядом, с искажённым от ужаса лицом активировал артефакт уровня трансформации духа и в мгновение ока исчез.

Он бежал без колебаний, словно за ним гналась стая волков.

— Иди, — сказал Чэнь Шэ. — Возьми Цюсаньюань и жди меня у входа в тайное царство. У старшего брата ещё есть дела.

— Хорошо! — У Линчань с энтузиазмом закатал рукава.

Без помех справиться с полумёртвым Цюсаньюань было проще простого. У Линчань, ухватившись за чернильный след, ринулся вперёд.

Лю Цзинхуэй с мечом в руке последовал за ним.

Чэнь Шэ, окинув взглядом окрестности, оставил на месте Птицу с двойными зрачками, принявшую облик маленькой красной пташки, а сам, словно туман, бесшумно исчез.

Старейшина Мэн, с бешено колотящимся сердцем, активировал телепортационный артефакт, который использовал впервые в жизни. В мгновение ока он покинул тайное царство Байцзан и оказался за три тысячи ли от него.

«Стадия постижения пустоты...»

Откуда рядом с У Линчанем мог оказаться великий мастер стадии постижения пустоты?!

Мэн Бучжао, скорее всего, тоже погиб от его руки.

Даже оказавшись в безопасности, старейшина Мэн продолжал дрожать от ужаса.

Тёмный пруд был спокоен и чист, как нефрит. Мужчина с повязкой на глазах, высокий и стройный, казался ещё более холодным и нежным, чем вода под его ногами. Он ничего не делал, но от него исходил леденящий душу холод.

Разум не успел приказать ему бежать, но инстинкт уже заставил активировать артефакт.

Нужно как можно скорее доложить юному главе ордена.

Старейшина Мэн, дрожа, как осиновый лист, с трудом достал нефрит для связи пика Сяолёу и, коснувшись руны, стал ждать ответа Мэн Пина.

Внезапно кто-то тихо спросил:

— Зачем было бежать?

Старейшина Мэн похолодел и резко обернулся.

Это была пустыня, в трёх тысячах ли от тайного царства. Нужно было подождать всего четверть часа, пока артефакт восстановит духовную силу, и можно будет одним махом вернуться в пик Сяолёу.

Неизвестно когда, но бескрайняя пустыня покрылась густой бамбуковой рощей. Подземные стебли проросли на сотни ли, и за одно дыхание вырос бескрайний зелёный лес.

Чэнь Шэ стоял посреди рощи. С улыбкой на губах он произнёс на непонятном языке Куньфу:

— Но раз уж ты решил бежать, почему пробежал так мало?

Старейшина Мэн молчал.

Сердце его колотилось, всё тело дрожало.

Артефакт, способный за мгновение перенести заклинателя на стадии трансформации духа на три тысячи ли, для этого человека был лишь шагом, который он преодолевал за одно дыхание.

И что ещё более странно, он не понимал языка Куньфу, но отчётливо слышал, что говорит этот мужчина.

Это великий мастер стадии постижения пустоты использовал свою могущественную душу, чтобы изменить его восприятие.

— Такой урон для моря сознания был необратим.

От одной лишь фразы старейшина Мэн закашлялся кровью и, пошатнувшись, рухнул на колени. Нефрит, всё ещё слабо светившийся, со стуком упал на землю.

Пустошь Куньфу, стадия постижения пустоты.

Таким мог быть лишь один человек — свирепый и жестокий новый владыка...

Чэнь Шэ.

Холодный пот пропитал одежду старейшины Мэна.

Как У Линчань мог быть знаком с Чэнь Шэ?

Неужели его удача была настолько велика, что даже Чэнь Шэ стал ему служить?

Что бы ни делал Чэнь Шэ, всё в нём выдавало благородного мужа. Каждое движение было исполнено достоинства и изящества, словно он всю жизнь провёл за чтением стихов.

Это совершенно не вязалось с образом жестокого тирана, который железной рукой захватил власть в Куньфу.

Полы халата Чэнь Шэ взметнулись на ветру. Не двигая рукой, он лишь сложил два пальца и лёгким движением запястья взмахнул ими.

Невидимая сила схватила старейшину Мэна за горло и подняла в воздух.

Под его испуганным взглядом Чэнь Шэ с грацией, словно срывая цветок, неторопливо коснулся его лба.

Бум!

Зрачки старейшины Мэна побелели. Невообразимо мощная сила взорвалась в его море сознания, и от боли он тут же обмяк.

Невидимая рука, словно когти хищника, впиалась в его память, дюйм за дюймом прочёсывая её и собирая воедино бесчисленные багровые осколки.

В каждом из этих осколков был У Линчань.

Самые глубокие воспоминания Чэнь Шэ об У Линчане относились к тому времени, когда тому ещё не было пяти лет.

Тогда У Линчань жил во дворце Даньцзю, всегда нарядно одетый, звенящий украшениями, милый, как нефритовая куколка, и порхал повсюду, как маленькая бабочка.

...А потом он в одиночестве исчез в бескрайней снежной пустыне.

Старейшина Мэн всегда был рядом с Истинным Мэном, и его воспоминания об У Линчане были многочисленны.

Картина первой встречи Истинного Мэна с У Линчанем казалась серой и размытой из-за давности лет.

Но присмотревшись, можно было понять, что дело не в памяти, а в том, что У Линчань долго скитался. Его некогда изысканный красный халат превратился в лохмотья и был покрыт грязью.

Шёл сильный снег. Он, замёрзший, прятался в углу от ветра. Его босые ноги покраснели от холода. Он поднял грязное личико и с любопытством посмотрел на подошедшего.

В этот миг Чэнь Шэ замер.

Словно сквозь время, он встретился взглядом с беспомощным и растерянным У Линчанем.

Истинный Мэн, разглядев талант У Линчаня, забрал его в пик Сяолёу.

У Линчань, привыкший к заботе в Пустоши Куньфу, даже после полугода скитаний, обрадовался, что его кто-то приютил. Он тут же принялся щебетать, прося то одно, то другое.

Но, проведя так много времени в нищете, он забыл язык Куньфу и плохо говорил на языке Союза Бессмертных. Его речь была бессвязной и непонятной.

Человек, приставленный к У Линчаню, с нетерпением сказал:

— Радуйся, что тебя вообще кормят, а ты ещё и выбираешь.

У Кунькунь не понял его слов. Его глаза сияли, и он лепетал:

— Сливы! Пирожные! Сладкие! Умоляю, добрый господин!

Он, кажется, и сам не понимал, что говорит. Просто, будучи нищим, он слышал, как другие так говорили и получали еду, и тоже радостно повторял.

Человек молчал.

Ругать его было бесполезно — он всё равно не понимал, а лишь вызывал чувство вины за то, что обижаешь ребёнка. Пришлось принести ему пирожных, чтобы заткнуть этот щебечущий рот.

У Линчань был беззаботным и легкомысленным. К счастью, благодаря своему характеру, он не обращал внимания на косые взгляды, которые бросали на него в детстве.

Из-за своего прямолинейного характера он с детства нажил немало врагов. Каждый раз Истинный Мэн из пика Сяолёу, не желая вмешиваться, чтобы успокоить страсти, запирали его в уединении. Он оставался один в огромных горах, не в силах сделать и шагу.

Чэнь Шэ смотрел на ребёнка из воспоминаний, который, стоя на коленях на циновке, клевал носом. В его обычно спокойной душе впервые зародилась едва уловимая ярость.

«Пик Сяолёу. Истинный Мэн...»

За эти девять лет У Линчань, благодаря своему таланту, достиг больших высот. Кроме частых наказаний, его уважали и восхищались им. Его красота привлекала множество поклонников. Его жизнь была почти безоблачной.

Пока год назад всё не оборвалось.

С разрушением золотого ядра весь блеск, окружавший У Линчаня, исчез. Даже Сюаньсян, из-за потери им силы, на три месяца впал в сон.

У Линчань остался беззащитен. Все, кого он когда-то обидел, и те, кто ему завидовал, пришли, чтобы бросить камень в поверженного.

— Небожитель У, ты же был таким могущественным. Без своей силы ты — ничто.

— Если будешь умолять меня, я, так и быть, возьму тебя в качестве сосуда-треножника.

— Ты же дитя удачи, так вставай и дерись, ничтожество.

Его ослепительно-красный халат упал в грязь, смешанную с кровью, и он долго не мог подняться.

Ученик пика Сяолёу поспешно доложил старейшине Мэну с сочувствием на лице:

— Юный глава ордена, кажется, перегибает палку. Позволять чужакам входить в пик Сяолёу и издеваться над У Линчанем — это позор для всего нашего ордена. Старейшина, не могли бы вы его урезонить?

— Юный глава ордена за эти годы натерпелся немало обид, — безразлично ответил старейшина Мэн. — Пусть выпустит пар. Проследите только, чтобы его не убили.

— ...Слушаюсь.

Бум.

Пальцы Чэнь Шэ внезапно превратились в когти хищника. Багровые руны под его ресницами задрожали, как потревоженные змеи. Сила стадии постижения пустоты ворвалась в море сознания старейшины Мэна.

Тот издал дикий вопль.

Из-за насильственного извлечения воспоминаний его душа начала разрушаться, но пронзающая её боль, казалось, растягивала время до бесконечности.

Ощущения длились сотни лет, но на самом деле прошло меньше половины вдоха.

Раздался треск.

Упавший на землю нефрит наконец-то откликнулся. Над ним появилось призрачное изображение.

Это был Мэн Пин.

Мэн Пин собирался уединиться для медитации. Увидев сообщение от старейшины Мэна, он, решив, что тот нашёл Цюсаньюань или У Линчяня, направил своё духовное сознание в нефрит.

В тот же миг, как установилась связь, он услышал глухой стук.

Словно что-то тяжёлое упало на землю.

Мэн Пин поднял глаза, и его лицо исказилось.

Перед ним предстала ужасная картина: лоб старейшины Мэна был пробит, словно когтями, и кровь стекала по лицу, заливая прозрачный нефрит.

Он с ужасом протянул руку к Мэн Пину.

— Юный глава, спа...

Мэн Пин застыл в оцепенении.

Не успев договорить, старейшина Мэн издал истошный вопль — такой, какой не может издать человек. Один лишь этот звук давал понять, какие нечеловеческие муки он испытывает.

За спиной старейшины Мэна появилась тень.

Мэн Пин ошеломлённо посмотрел туда.

Бамбуковые листья кружились в воздухе. Роща, выросшая за четверть часа, мгновенно увяла.

Высокий мужчина стоял среди пожелтевших листьев. Чёрная повязка с его глаз исчезла, сорванная духовной силой. Он поднял руку и поймал каплю туши, висевшую в воздухе.

Повернувшись, он открыл глаза. Багровые руны покрывали его лоб.

Последнее, что увидел Мэн Пин перед тем, как нефрит рассыпался в пыль...

Были свирепые, жестокие, тёмно-фиолетовые вертикальные зрачки.

За три тысячи ли оттуда Мэн Пин резко вскочил. От одного этого взгляда духовная сила в его жилах, казалось, закипела.

Он с трудом отступил на несколько шагов, в ужасе схватившись за горло.

На мгновение ему показалось, что этот взгляд убил его. Он был в смятении.

«Старейшина Мэн был в тайном царстве Байцзан, как он мог столкнуться с таким могущественным существом?! Кто это был? Откуда у него такая ужасающая аура, страшнее, чем у моего отца?»

В этот момент поспешно вошёл послушник.

— Юный глава ордена, светильник души Мэн Бучжао погас, а светильник старейшины Мэна потускнел, кажется, он тяжело ранен.

Грохот.

Собрались тёмные тучи и, тяжёлые, как свинец, нависли над землёй.

У Линчань, увлечённый битвой с Цюсаньюань, поднял голову и, увидев, что собирается дождь, сказал:

— Цзинхуэй, давай быстрее.

Листья Цюсаньюань не должны были намокнуть. Если пойдёт дождь, все труды будут напрасны.

Лю Цзинхуэй был немногословен. Двумя взмахами мечей он отрубил две лианы, которые тянулись к У Линчаню.

У Линчань, словно сотканный из туши, взмахнул кистью.

— Мо Бао, держи!

Сюаньсян перестал быть частью У Линчаня. Тушь медленно отделилась от него, приняв человеческий облик.

Он отшвырнул У Линчаня в сторону, чтобы тот не мешался, и, превратившись в тонкую нить, обвился вокруг стебля Цюсаньюань.

От прочного стебля оставалось всего три цуня.

Нить резко натянулась. Цюсаньюань, который держался уже четверть часа, издал жалобный вопль и, переломившись пополам, с грохотом рухнул.

Бесчисленные корни, бившиеся под водой, наконец, увяли и опустились на дно.

Через несколько десятков лет, накопив духовную силу, они снова поднимутся на поверхность, пробив барьер своими твёрдыми молодыми побегами, и вырастет новый Цюсаньюань.

Сюаньсян, один за другим, срезал цветы Цюсаньюань и убрал их в своё пространство.

Лю Цзинхуэй приземлился и, убрав меч в ножны, почтительно склонил голову.

— Господин Сюаньсян.

— Мгм, — отозвался Сюаньсян.

У Линчань, бегая по полю и собирая свои растерянные в бою украшения и нефритовые подвески, с растрёпанными волосами подбежал и радостно сказал:

— Мы втроём — молодцы.

Сюаньсян взмахом руки превратил брызги туши на щеке У Линчаня в ленту и перевязал ею его растрёпанные волосы.

Пока они разговаривали, Птица с двойными зрачками, прятаясь в стороне, злобно усмехнулась. Её глаза хищно блеснули.

«Бессильный дух артефакта божественного ранга, ничтожество на стадии очищения ци и калека на стадии формирования ядра, ограниченный демоническим семенем...»

Ха, все они — лёгкая добыча.

Того ужасного мужчины ещё нет, и в радиусе тысячи ли не ощущается его ауры.

Птица с двойными зрачками решила, что это её шанс.

Если она сожрёт их троих, то дух артефакта божественного ранга станет для неё отличным подспорьем и поможет восстановить силы.

Хе-хе.

Птица с двойными зрачками внезапно приняла свой истинный, гигантский облик. Её тело охватило пламя. Злобно ухмыляясь, она раскрыла клюв, готовясь изрыгнуть огонь, и полетела к ним.

— Птица с двойными зрачками? — бросив косой взгляд, нахмурился Лю Цзинхуэй.

— Мгм, — отозвался Сюаньсян, небрежно поправляя украшение в волосах У Линчаня. — Судя по всему, она хочет нас съесть.

— Не может быть, — склонил голову набок У Линчань. — Она уже моё ездовое животное. Такая послушная птичка никогда не предаст своего хозяина. Наверное, она хочет отвезти нас домой.

— О, неужели? — протянул Лю Цзинхуэй.

Птица с двойными зрачками, видя, что они не убегают, стала ещё более дерзкой и приготовилась изрыгнуть пламя.

У Линчань удивлённо поднял бровь и взмахнул рукой.

Капля туши, которую он оставил в желудке птицы, внезапно взорвалась мириадами острых шипов и, словно ёж, перевернулась. Птица, взыв от боли, с грохотом рухнула с неба.

Она приземлилась прямо перед У Линчанем, распластав крылья.

— Видишь, послушная, — обернувшись, усмехнулся У Линчань.

Лю Цзинхуэй молчал.

— Домой? — спохватился он. — Куда?

— В Пустошь Куньфу, конечно, — сказал У Линчань. — Сначала подождём брата у входа в тайное царство Байцзан, а когда он закончит свои дела, вместе отправимся домой.

— В Пустошь Демонов... — нахмурился Лю Цзинхуэй.

Заклинатели праведного пути обычно держались подальше от Пустоши Куньфу. Лю Цзинхуэй, хоть и не испытывал к ней неприязни, но внезапно покидать знакомый Союз Бессмертных и отправляться в неизвестность было тревожно.

К тому же, их светильники души всё ещё находились в пике Сяолёу, что было большой проблемой.

Сюаньсян, усадив У Линчаня на спину Птицы с двойными зрачками, сказал Лю Цзинхуэю:

— В твоей душе ещё осталось демоническое семя. Вместо того чтобы оставаться в Союзе Бессмертных, лучше отправиться в Куньфу и найти способ исцеления.

— Я слышал, в Пустоши Демонов правит сильный, — Лю Цзинхуэй взвешивал все за и против.
— Тебя защищает господин Сюаньсян, но я, отправившись туда, стану лишь обузой.

К тому же, по слухам, новый владыка Пустоши Куньфу был жесток и беспощаден. Если заклинатель из Союза Бессмертных самовольно явится туда, его вряд ли ждёт хороший приём.

— С Цюсаньюань я скоро восстановлю силы, — У Линчань схватил его и усадил рядом. — И тогда я буду сильным!

Лю Цзинхуэй нахмурился, но спорить с У Линчанем было бесполезно. Он сел, размышляя, что делать дальше.

Птица с двойными зрачками, скрепя сердце, расправила крылья и медленно полетела к выходу из тайного царства Байцзан.

Аромат Цюсаньюань был очень специфичен. Даже убранный в пространство Сюаньсяна, он оставил на них свой след, который долго не выветривался.

Птица с двойными зрачками летела низко и медленно, и вскоре привлекла внимание других заклинателей.

Окинув их духовным зрением, они увидели троих и раненую птицу с духовным растением Цюсаньюань. Ха-ха, лёгкая добыча.

Они были ходячей мишенью.

Не успел У Линчань долететь до выхода, как дорогу им преградила группа заклинателей уровня зарождающейся души или выше. Они окружили их.

— Хотят ограбить меня? — усмехнулся У Линчань.

Лю Цзинхуэй, привыкший к законам тайных царств, где убийство и грабёж были в порядке вещей, нахмурился и холодно усмехнулся.

— Вперёд! — хлопнул У Линчань птицу по голове. — Лети выше, стряхни их.

Птица с двойными зрачками не сдвинулась с места. Наоборот, она спустилась ниже и приземлилась, добровольно отдаваясь в лапы врагов.

У Линчань молчал.

Но он не считал, что птица его предала. Напротив, его брови удивлённо поползли вверх, и в нём проснулся азарт.

«Такую строптивую птицу и стоит приручить».

У Линчань не рассердился. Встав на голову птицы, он свысока посмотрел на преградивших ему путь и громко сказал:

— Эй, вы, назовитесь.

Раз уж они осмелились покуситься на его Цюсаньюань, то, когда он восстановит силы, им всем не поздоровится.

— Юный друг, не гневайся, — с улыбкой сказал заклинатель на стадии зарождающейся души, стоявший во главе. — Мой орден готов предложить пять пилюль высшего качества в обмен на твой Цюсаньюань.

— К чему разговоры? — нетерпеливо возразил кто-то сбоку. — В тайном царстве правит сильный. Таков закон. Просто отберём.

Лю Цзинхуэй незаметно выхватил свой длинный меч и холодно посмотрел на них.

У Линчань достал из пространства Сюаньсяна четыре цветка Цюсаньюань.

— Не стоит так горячиться. Мне для пилюли нужен всего один цветок. Остальные я не прочь отдать, но если вы собираетесь грабить...

У Линчань взял один цветок и, небрежно раздавив его, невинно сказал:

— То мне придётся уничтожить всё.

Все замерли, с недоверием глядя на него.

Это же бесценный Цюсаньюань, как он мог?!

У Линчань мог. Окинув взглядом всё ещё готовых к бою заклинателей, он удивлённо поднял бровь и на глазах у всех медленно раздавил ещё один цветок.

Теперь у него в руках осталось всего два.

Бум.

Старик на стадии трансформации духа внезапно нанёс удар и убил заклинателя, который всё ещё с жадностью смотрел на цветы с мечом в руке.

— Кто ещё осмелится сделать шаг, не вините меня за безжалостность, — холодно сказал он.

Все тут же замерли и, убрав оружие, с опаской посмотрели на У Линчаня.

Этот юноша выглядел хрупким и говорил по-детски, но он знал человеческую натуру и, как в притче о двух персиках и трёх воинах, был безжалостен.

Устрашив остальных, старик повернулся к У Линчаню с добродушной улыбкой.

— Юный друг, не гневайся. Сегодня я здесь, и в этом тайном царстве Байцзан никто не посмеет тебя тронуть.

У Линчань был очень доволен.

Этому приёму он научился в юности, когда отбирал артефакты у других. Тогда он, молодой и дерзкий, чуть было не попался на уловку одного хитреца, но запомнил этот урок и с успехом применял его на других.

— Ты молодец, — кивнул У Линчань. — Назначаю тебя... мгм!

Сюаньсян зажал ему рот, прервав церемонию назначения защитника.

Старик на стадии трансформации духа, видимо, очень нуждался в Цюсаньюань и вёл себя крайне смиренно. Он действительно стал защищать У Линчаня, и его мощная аура заставила

остальных отступить. Они могли лишь с ненавистью смотреть им вслед.

Птица с двойными зрачками была в ярости. Получив очередной укол, она нехотя расправила крылья и полетела к выходу из тайного царства Байцзан.

«Почему никто не прикончит этого ублюдка?!»

Только она об этом подумала, как старик-защитник, окинув окрестности духовным зрением и убедившись, что вокруг никого нет, внезапно нанёс удар. Ужасающий порыв ветра со свистом понёсся к У Линчаню.

Птица с двойными зрачками, увернувшись от удара, закружилась в воздухе, едва не сбросив У Линчаня и Лю Цзинхуэя.

У Линчань, вцепившись в её перья, ловко вскочил на спину и, глядя на своего несостоявшегося защитника, разочарованно сказал:

— Сюаньсян, ты был прав, не стоило его брать.

Сюаньсян молчал.

— Отдайте Цюсаньюань и эту Птицу с двойными зрачками, — злобно усмехнулся старик на стадии трансформации духа, — и, возможно, я оставлю ваши тела целыми. В противном случае...

— Линчань, у нас нет шансов против заклинателя на стадии трансформации духа, — потемнев лицом, сказал Лю Цзинхуэй. — Нужно бежать.

У Линчань, прекрасно осознавая свои силы, тут же заставил тушь в желудке птицы сжаться. Птица, взвывая, была вынуждена ускориться и устремиться в небо.

— Не уйдёте! — последовал за ними заклинатель на стадии трансформации духа.

— Если я умру, и тебе не жить, — предупредил У Линчань, сдавливая тушью шею птицы.

— Думаешь, я боюсь смерти? — холодно усмехнулась Птица с двойными зрачками, наконец-то заговорив. — Так умрём вместе!

У Линчань, разочаровавшись в людях и ещё больше в птицах, уворачиваясь от атак, прищёлкнул языком.

— Ай-яй-яй, птичка, как же так? Только что ты так послушно давала гладить себя по голове. Птичье сердце так изменчиво.

Лю Цзинхуэй молчал.

«Он что, совсем не боится?»

Птица с двойными зрачками, решив покончить со всем разом, направилась к огромному дереву.

— Вместе...

«...умрём».

Последние два слова не сорвались с её клюва. Появился знакомый запах.

Птица с двойными зрачками, окинув окрестности духовным зрением, что-то заметила. Её четыре зрачка сузились. Она резко свернула, уклонившись от дерева, и мягко закончила фразу:

— ...отправимся домой, чик-чирик.

Лю Цзинхуэй замер.

Видя, что птица взмывает всё выше, заклинатель на стадии трансформации духа холодно усмехнулся и, собрав мощный заряд духовной силы, метнул его в них.

Бум.

Не долетев до птицы, заряд взорвался в воздухе.

Старик замер.

«Что это в него летело?»

В мгновение ока на него обрушилась чудовищная демоническая аура. Не успев отозвать своё духовное зрение, заклинатель на стадии трансформации духа увидел мужчину, преградившего ему путь. Тот, источая леденящую ярость, повернулся к нему.

Тёмно-фиолетовые вертикальные зрачки, словно у свирепого хищника.

Заклинатель на стадии трансформации духа застыл. Не успев ничего осознать, он инстинктивно почувствовал опасность и призвал защитный артефакт.

Цзян.

В одно мгновение артефакт рассыпался в пыль, светлячками осыпавшись вокруг.

Вместе с ним рассыпалось и тело, и зарождающаяся душа заклинателя на стадии трансформации духа.

Он даже не успел вскрикнуть, как взорвался кровавым туманом.

И душа, и тело были уничтожены.

Птица с двойными зрачками летела быстро и ровно, боясь потревожить своего прародителя на спине.

У Линчань, настороженно оглядываясь, увидел, что старик больше не преследует их, и с облегчением вздохнул. Скрестив ноги, он сел на спину птицы.

— Уф, пронесло. Эта птица и вправду быстрая, ха-ха-ха!

Лю Цзинхуэй, всё ещё не оправившись от страха, беспомощно посмотрел на смеющегося У Линчаня.

— Ну и нервы у тебя.

— С Цюсаньюань в руках, — улыбнулся У Линчань, — вернувшись в Куньфу, Вэнь Цюаньчжи сделает пилюлю, и я снова буду на вершине.

— Твой старший брат не так-то просто позволит тебе принять Пилюлю разбитого кокона, — холодно усмехнулся Сюаньсян.

— Почему? — удивился У Линчань. — Он же сам помог мне найти Цюсаньюань, как он может быть против?

— Всю дорогу он намекал, чтобы ты отказался от Пилюли разбитого кокона и жил под его защитой, — безразлично сказал Сюаньсян. — Иначе с чего бы ему вдруг дарить тебе Птицу с двойными зрачками? Ты что, совсем ничего не понял?

— Наверное, брат не это имел в виду, — нахмурился У Линчань.

— Подумай, — холодно сказал Сюаньсян. — Хорошенько подумай, разбери каждое его слово!

У Линчань присел на корточки и задумался.

«Нравится? Если хочешь, то и без силы сможешь свободно путешествовать по Трёх мирам. Если тебе нравится...»

Кажется, он и вправду отговаривал его от восстановления сил.

У Линчань нахмурился.

В этот момент Птица с двойными зрачками зачирикала, как бы говоря: «Я лечу быстро и ровно, да!»

Сюаньсян тут же замолчал.

У Линчань всё ещё размышлял, как вдруг почувствовал, что кто-то нежно гладит его по голове.

Чэнь Шэ, неизвестно когда появившийся на спине птицы, выглядел всё так же нежно и утончённо, только чёрная повязка с его глаз исчезла. Искажённые руны, изменив свой вид, обвивали его глаза.

У Линчань надул губы и ничего не сказал.

Чэнь Шэ наклонился и, положив каплю туши на чернильный камень на его запястье, мягко спросил:

— Испугался?

— Нет, — покачал головой У Линчань.

— Тогда почему надулся? — улыбнулся Чэнь Шэ.

У Линчань не умел скрывать свои мысли. Поколебавшись, он прямо спросил:

— А-сюн не хочет, чтобы я восстанавливал силы?

— М-м? — Чэнь Шэ небрежно убрал растрёпанные волосы со лба У Линчаня за ухо и спокойно спросил: — Почему ты так решил?

— Просто... просто так сказал, — пробормотал У Линчань.

— Не выдумывай, — Чэнь Шэ своей духовной силой исцелил царапины на ладони У Линчаня, которые тот получил, слишком сильно вцепившись в перья, и с улыбкой сказал: — Вернёмся, и я попрошу семью Вэнь сделать для тебя Пилюлю разбитого кокона. А когда придёт время, старший брат будет тебя защищать, хорошо?

— Правда? — глаза У Линчаня засияли.

— А какой мне смысл тебя обманывать? — ещё мягче сказал Чэнь Шэ.

Вся грусть У Линчаня тут же улетучилась. Его смятенные мысли рассеялись. Словно котёнок, он радостно прыгнул и крепко обнял Чэнь Шэ за шею.

Когда он был счастлив, он говорил всё, что приходило на ум.

— А-сюн! А-сюн — самый лучший старший брат на свете!

Сюаньсян молчал.

«Ха-ха».

<http://bllate.org/book/16997/1585954>